

Последний аккорд

**Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»**

Выставка в Инженерном корпусе Третьяковки озаглавлена без вычурности — «Дар Веры Георгиевны Дуловой». Дар здесь следует понимать в первом словарном значении — подарок, пожертвование, хотя и талантом Создатель героиню не обидел. В прежние годы Веру Дулову называли королевой арфы. С ранней юности она извлекала из модернизированного аполлонова атрибута звуки столь чарующие и совершенные, что в двадцать с небольшим сделала солисткой оркестра Большого театра. Дальше шло по нарастающей — награды и звания, профессорство в Московской консерватории, создание всемирно признанной «школы Дуловой». Для Рюриковны в 32-м колене совсем не позорная карьера и не самая горькая участь в стране победившего социализма.

Как бывало принято в столичных артистических кругах, Вера Георгиевна увлекалась собиранием изобразительного искусства и зналась с художниками — Грабарем, Кончаловским, Лентуловым, Вильямсом. Какие-то работы ей дарили, какие-то производили по дружескому заказу, к тому же Дулова в средствах была не стеснена, а советская антикварная торговля располагала неплохим ассортиментом с весьма доступными (не для всех, конечно) ценами. Постепенно сложилась та коллекция, которую сейчас можно видеть в Инженерном корпусе. Без жесткой концепции, без абсолютных шедевров, с размытыми временными рамками — от середины XIX до середины XX, одним словом — домашнее собрание музыкальной примы. Очень похоже на относительно недавний показ коллекции известного баритона Пантелеймона Норцова, также отписавшего свое живописно-графическое имущество Третьяковке. Отметим в обоих случаях благородство владельцев и наследников: ведь подавляющее большинство даров наверняка минует основную экспозицию и осядет в запасниках, а стоимость этих работ по меркам антикварного рынка значительна.

Из увиденного наибольшими шансами на последующую публичную жизнь располагает «Домик в провинции» Алексея Саврасова. Эту небольшую вещь еще при жизни Дуловой музейщики регулярно испрашивали для разных своих проектов и теперь почти наверняка добавят к хрестоматийным саврасовским перлам. Того стоит — пейзаж очень свежий и трогатель-

ный, писанный автором незадолго до драматичного запойного периода. Некоторые шансы остаться на виду сохраняет и репинский этюд к «Заседанию Государственного совета». Изображение барона Икскуля фон Гильдебрандта — еще одна, хоть и миллиграммовая, гирька на чашу Третьяковки в негласном соперничестве с Русским музеем: ГРМ располагает большим количеством подготовительных материалов к знаменитой картине, а в ГТГ до сих пор было только

**Портрет В.Г. Дуловой
кисти П.П. Кончаловского.**

два этюдика... С остальными экспонатами, делом рук академистов, передвижников и мирискусников, мы вряд ли встретимся в скором будущем. И Брюллова, и Айвазовского, и Поленова с Маковским, и Судейкина с Кустодиевым в музее хватает, причем представлены они в главном здании работами куда более значительными и характерными, чем недавно завешанные.

Однако нельзя сказать, что третьяковцы отнеслись к дару с пренебрежением. Наоборот, очень прочувствованно. Объективный показатель субъективного подхода — отметки о реставрациях в каталоге. Чуть ли не все 58 произведений прошли через руки умель-

цев в первой половине этого года, и сохранность их на сегодня близка к образцовой.

Чего наследникам, пожалуй, делать не стоило, даже памятуя о предсмертной воле владелицы, так это передавать портреты самой Веры Дуловой кисти нескольких знаменитостей. Для ГТГ они почти ничего не значат, а могли бы остаться в качестве фамильных ценностей. Например, огромное парадное изображение арфистки в белом атласе, почти пародия на Левицкого, было когда-то выполнено ахровцем Василием Яковлевым, соседом по даче. Ясное дело, что никогда это полотно больше не вынут из запасников, а то и вовсе намотают на бобину. Трудно вообразить салонные портреты миловидной музыкантши и на персональных выставках Лентулова с Грабарем, разве что на неимоверно подробных ретроспективах. Вот если бы кто-нибудь сподобился запечатлеть, как Вера Георгиевна ударяет по струнам на Северном полюсе (был такой случай в 1955 году, когда Дулову вместе с арфой забросили на льдину, чтобы приободрить заскукавших полярников)... Но это соображения по поводу, собственно же коллекция производит симпатичное впечатление, особенно на завсегдатаев Лаврушинского, то есть приверженцев русского реализма. Уходящий культурный истеблишмент не перестает напоминать о себе великодушными поступками.